

В. Самоненко

**Антология современной
поэзии**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Самоненко**
Антология современной поэзии: Том 4 / В. Самоненко – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 672 с.

ISBN 978-5-517-98727-3

Антология современной поэзии: Америка, Англия, Франция, Бельгия,
Германия, Италия, Скандинавия, Польша, Россия

ISBN 978-5-517-98727-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЭДГАРЪ АЛЛАНЪ ПОЭ.

1809-1849.

КОЛИЗЕЙ.

О символъ древняго Рима!..

О пышное дарохранилище великихъ созерцаній,
завѣшанныхъ Времени минувшими вѣками роскоши
и силы!

Наконецъ, послѣ многодневнаго пути и томя-
щей жажды — жажды приникнуть къ источнику
Познанія, затаенному въ твоихъ нѣдрахъ,—я пре-
клоняю колѣна среди твоихъ тѣней и пью даже
изъ глубины моей души—твое величіе, твою печаль,
твою славу!

Безпредѣльность и Годы и Невозвратное!
Молчаніе и Отчаяніе и ты, Глубокая Ночь!

Теперь я васъ понимаю, ощущаю во всей вашей
мощи.

О Магія, болѣе могущественная, чѣмъ чары,
которыми испытывалъ царь Іудейскій въ садахъ
Геесиманіи!

Восторгъ болѣе побѣдный, чѣмъ тотъ, что
знала проникновенная Халдея, слѣдившая теченіе
звѣздъ!

Здѣсь, гдѣ палъ герой,—повержена колонна;
гдѣ сіяли расшитые на веларіумѣ золотые орлы,—
летучая мышъ свершаетъ полунощный дозоръ; гдѣ
трепетали по вѣтру сверкающіе золотой пудрой
волосы римскихъ матронъ—нынѣ качаются репей-
никъ и тростники; гдѣ нѣкогда императоръ возсѣ-
далъ на пышномъ тронѣ,—молчаливая юркая яще-
рица въ блѣдномъ сіяніи восходящей луны сколь-
зитъ, словно призракъ, въ свое мраморное жилище.

Но неужели...—

Эти стѣны, одѣтыя плющемъ, эти поросшія
мохомъ подножія, эти угрюмыя, почернѣвшія ко-
лонны, эти распадающіеся фризы, эти обломки, эти
сѣрые камни...—

Это все,—что остается отъ славнаго и великаго?..

Только это пощадили Часы-разрушители?

Это все, что они оставили мнѣ и Вѣчности?..

„Нѣтъ,—отвѣтило эхо руинъ,—нѣтъ, не все!..

„Мудрымъ вовѣкъ будутъ звучать наши немолч-
ные пророческіе голоса, какъ Солнцу гимны Мем-
нона.

„Наше обаяніе безгранично надъ великими ду-
шами.

„Наша власть царитъ нераздѣльно въ мощныхъ
сердцахъ.

„Всѣ тайны, что мы берегаемъ, все давнее, о
чемъ мы свидѣтельствуемъ,—вѣнчаетъ насъ орео-
ломъ, большимъ, чѣмъ сама Слава!..“

ПЕРЕВ. В. Ю. ЭЛЬ—РЪ.

Молчаніе.

Горныя вершины дремлютъ, долины, скалы и пещеры молчатъ.
Алжменъ.

„Слушай меня,—сказалъ Дьяволъ, положивъ свою руку мнѣ на голову.—Страна, о которой я говорю, пустынная область въ Ливіи, на берегахъ рѣки Заиры. И тамъ нѣтъ покоя, нѣтъ молчанія.

„Воды рѣки зловѣщаго шафраннаго цвѣта и не текутъ въ море, но вѣчно трепещутъ подъ огненнымъ окомъ солнца въ безпокойномъ и судорожномъ движеніи. На много миль, по обѣимъ сторонамъ илстаго рѣчного ложа, раскинулась блѣдная пустыня гигантскихъ водяныхъ лилій. Онѣ вздыхаютъ въ этой пустынѣ, подобно призракамъ вытягиваютъ къ небу свои длинныя шеи и покачиваютъ неумирающими главами. Неясный шопотъ слышится среди нихъ, подобный ропоту подземныхъ водъ. И онѣ обмѣниваются вздохами.

Но есть и граница ихъ царству—дремучій, страшный, высокій лѣсъ. Тамъ, какъ волны во-кругъ Гебридскихъ острововъ, вѣчно колышется низкій подлѣсокъ. Но тамъ нѣтъ вѣтра въ небесахъ. И все-таки громадныя первобытныя деревья вѣчно раскачиваются съ мощнымъ скрипомъ и шумомъ. Съ ихъ высокихъ вершинъ капля за каплей сочится вѣчная роса. И у корней ихъ переплетаются въ безпокойномъ снѣ странныя ядовитыя цвѣты. И въ высотѣ съ шумомъ и свистомъ несутся на западъ сѣрыя тучи, низвергаясь водопадомъ за огненную стѣну горизонта. Но тамъ нѣтъ вѣтра въ небесахъ. И на берегахъ рѣки Заиры нѣтъ покоя, нѣтъ молчанія.

„Была ночь и шелъ дождь и падая онъ оставался дождемъ, но, упавъ, становился кровью. И я стоялъ у трясины среди бѣлыхъ лилій, и дождь падалъ на мою голову—и лиліи обмѣнивались вздохами въ безотрадномъ величіи своего отчаянія.

„И вдругъ сквозь тонкій призрачный туманъ поднялась луна и цвѣтъ ея былъ багровый. И взоръ мой упалъ на высокій сѣрый утесъ, стоявшій на берегу рѣки и озаренный луннымъ свѣтомъ. И утесъ былъ сѣрый, и прозрачный, и огромный—и утесъ былъ сѣрый. На челѣ его были вырѣзаны буквы,— и я прошелъ по трясинѣ, достигъ берега рѣки, и остановился подъ скалою, чтобы прочесть надпись на камнѣ. Но я не могъ разобрать ее. И я хотѣлъ вернуться, но луна вспыхнула яркимъ багрянцемъ, и я обернулся, и снова взглянулъ на скалу и на надпись;—и надпись была отчаяніе.

„И я взглянулъ вверхъ, и увидѣлъ человѣка на вершинѣ скалы, и спрятался среди водяныхъ лилій, чтобы слѣдить за нимъ. И человѣкъ былъ рослый и статный, и съ плечъ до пяты закутанъ въ древнеримскую тогу. И линіи тѣла его были неясны, но черты лица его носили обликъ божества, потому что покровъ ночи, и тумана, и луны, и росы не могъ скрыть ихъ. Его высокое чело было освѣщено мыслью, глаза его полны тревоги; и въ немногихъ морщинахъ на его щекахъ прочелъ я повѣсть скорби, и усталости, и отвращенія къ человѣчеству, и жажды одиночества.

„И человѣкъ сидѣлъ на скалѣ, опустивъ голову на руку, и смотрѣлъ на картину Безотраднaго. Онъ взглянулъ внизъ на безпокойные кустарники, и вверхъ на громадные первобытныя деревья, и еще выше на шумное небо и багровую луну. А я лежалъ подъ покровомъ лилій и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ, но ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

„И человѣкъ отвратилъ свой взоръ отъ неба и взглянулъ на мрачную рѣку Заиру, и на ея желтыя зловѣщія воды, и на блѣдные легіоны водяныхъ лилій. И человѣкъ прислушивался ко вздохамъ водяныхъ лилій и къ ихъ тихому ропоту. А я лежалъ въ своемъ убѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ; и ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

„Тогда я ушелъ въ глубину болотъ, и прошелъ

среди чащи лилій, и созвалъ гиппопотамовъ, которые жили въ трясилахъ въ глубинѣ болотъ. И гиппопотамы услышали мой зовъ, и явились къ подножію скалы, и громко и страшно ревѣли при лунномъ свѣтѣ. А я лежалъ въ своемъ убѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ; и ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

„Тогда я проклялъ стихіи проклятіемъ смятенія; и страшная буря разразилась въ небесахъ, гдѣ раньше не было вѣтра. И небеса почернѣли отъ бѣшенства бури, и дождь хлесталъ человѣка, и воды рѣчныя вышли изъ береговъ, и рѣка запѣнилась, возмущенная бурей, и водяныя лиліи стонали на своемъ ложѣ, и лѣсъ трещалъ подъ напоромъ вѣтра, и гремѣлъ громъ, и сверкала молнія, и скала тряслась до самаго основанія. А я лежалъ въ своемъ убѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ; и ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

„Тогда я пришелъ въ бѣшенство и проклялъ рѣку, лиліи, и вѣтеръ, и лѣсъ, и небо, и громъ, и вздохи водяныхъ лилій,—проклялъ ихъ проклятіемъ молчанія. И все погрузилось въ молчаніе. И луна перестала скользить по небу, и раскаты грома замерли, и молнія угасла, и облака повисли недвижимо, и воды, вернувшись въ свое ложе, остановились, и деревья не колыхались болѣе, и лиліи не вздыхали, не слышно было ихъ ропота, и ни тѣни звука не раздавалось въ широкой, безпредѣльной пустынѣ. И я прочелъ надпись на скалѣ, и она измѣнилась, и была эта надпись молчаніе.

„И взоры мои упали на лицо человѣка, и лицо его было блѣдно отъ ужаса. И онъ быстро поднялъ голову, и выпрямился на скалѣ, и прислушался. Но ни единого звука не слышно было въ безпредѣльной пустынѣ, и надпись на скалѣ была молчаніе. И человѣкъ задрожалъ, и отвратилъ лицо свое, и убѣжалъ прочь такъ поспѣшно, что я никогда не видалъ его болѣе“.

Да, много прекрасныхъ сказокъ въ книгахъ, написанныхъ магами,—въ окованныхъ желѣзомъ печальныхъ книгахъ, написанныхъ магами. Въ нихъ, говорю я, есть чудныя исторіи о небѣ, и о землѣ, и о могучемъ морѣ, и о Геніяхъ, правящихъ моремъ, и землю и высокимъ небомъ. И много было мудрости въ изреченіяхъ сивиллъ; и святыя, святыя тайны слышала древность въ трепетѣ листьевъ вокругъ Додоны,—но, воистину, эту сказку, рассказанную мнѣ Дьяволомъ, когда онъ сидѣлъ со мною въ тѣни гробницы, я считаю чудеснѣйшей изъ всѣхъ. И кончивъ свою сказку, Дьяволъ откинулся въ углубленіе гробницы и засмѣялся. И я не могъ смѣяться вмѣстѣ съ Дьяволомъ, и онъ проклялъ меня за то, что я не могъ смѣяться. И рысь, которая всегда живетъ въ гробницѣ, вышла оттуда, и легла у ногъ Дьявола и смотрѣла ему въ очи.

ПЕРЕВ. М. А. Э-ТЬ.

Колокольчики и колокола.

I.

Слышишь, сани мчатся въ рядъ,
Мчатся въ рядъ!
Колокольчики звенятъ,
Серебристымъ легкимъ звономъ слухъ нашъ сладостно томятъ,
Этимъ пѣньемъ и гудѣньемъ о забвеньи говорятъ.
О, какъ звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смѣхъ ребенка.
Въ ясномъ воздухѣ ночномъ
Говорятъ они о томъ,

Что за днями заблужденья
Наступаетъ возрожденье,
Что волшебнo наслажденье—наслажденье нѣжнымъ
сномъ.

Сани мчатся, мчатся въ рядъ,
Колокольчики звенять,
Звѣзды слушаютъ, какъ сани, убѣгая, говорятъ,
И, внимая имъ, горять,
И мечтая и блистая, въ небѣ духами парять;
И измѣнчивымъ сіяньемъ,
Молчаливымъ обаяньемъ,
Вмѣстѣ съ звономъ, вмѣстѣ съ пѣньемъ, о забвеньи
говорять.

II.

Слышишь къ свадьбѣ зовъ святой,
Золотой!
Сколько нѣжнаго блаженства въ этой пѣснѣ молодой!
Сквозь спокойный воздухъ ночи
Словно смѣтрать чьи-то очи
И блестятъ,
Изъ волны пѣвучихъ звуковъ на луну они-глядятъ,
Изъ призывныхъ дивныхъ келій,
Полны сказочныхъ веселій,
Наростая, упадая, брызги свѣтлыя летятъ,
Вновь потухнуть, вновь блестятъ,
И роняютъ свѣтлый взглядъ
На грядущее, гдѣ дремлетъ безмятежность нѣжныхъ
сновъ,
Возвѣщаемыхъ согласьемъ золотыхъ колоколовъ!

III.

Слышишь воющій набатъ,
Точно стонетъ мѣдный адъ!
Эти звуки, въ дикой мукѣ, сказку ужасовъ твердятъ.
Точно молятъ имъ помочь,
Крикъ кидаютъ прямо въ ночь,
Прямо въ уши темной ночи.
Каждый звукъ,

То длиннѣе то короче,
Выкликаетъ свой испугъ,—
И испугъ ихъ такъ великъ,
Такъ безуменъ каждый крикъ,
Что разорванные звоны, неспособные звучать,
Могутъ только биться, виться, и кричать, кричать,
кричать!

Только плакать о пощадѣ,
И къ пылающей громадѣ
Вопли скорби обращать!
А межъ тѣмъ огонь безумный,
И глухой и многшумный,
Все горитъ,
То изъ оконъ, то по крышѣ,
Мчится выше, выше, выше,
И какъ будто говорить:

— Я хочу

Выше мчаться, разгораться, встрѣчу лунному лучу,
Иль умру, иль тотчасъ-тотчасъ вплотъ до мѣсяца
взлечу!

О, набать, набать, набать,
Если бъ ты вернулъ назадъ
Этотъ ужасъ, это пламя, эту искру, этотъ взглядъ,
Этотъ первый взглядъ огня,
О которомъ ты вѣщаешь, съ плачемъ, съ воплемъ,
и звеня!

А теперь намъ нѣтъ спасенья,
Всюду пламя и кипѣнье,
Всюду страхъ и возмущенье!
Твой призывъ,
Дикихъ звуковъ несогласность
Возвѣщаетъ намъ опасность,—
То растетъ бѣда глухая, то спадаетъ, какъ приливъ.
Слухъ нашъ чутко ловитъ волны въ перемѣнѣ зву-
ковой,
Вновь спадаетъ, вновь рыдаетъ мѣдно-стонущій при-
бой!

IV.

Похоронный слышенъ звонъ,
Долгій звонъ!

Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни кон-
 чень сонъ.
 Звукъ желѣзный возвѣщаетъ о печали похоронъ!
 И невольно мы дрожимъ,
 Отъ забавъ своихъ спѣшимъ,
 И рыдаемъ, вспоминаемъ, что и мы глаза смежимъ.
 Неизмѣнно-монотонный,
 Этотъ возгласъ отдаленный.
 Похоронный тяжкій звонъ,
 Точно стонъ,
 Скорбный, гнѣвный
 И плачевный,
 Выростаетъ въ долгій гулъ,
 Возвѣщаетъ, что страдалецъ непробуднымъ сномъ
 уснулъ.
 Въ колокольныхъ кельяхъ ржавыхъ,
 Онъ для правыхъ и неправыхъ
 Грозно вторитъ объ одномъ:
 Что на сердцѣ будетъ камень, что глаза сомкнутся
 сномъ.
 Факель траурный горитъ.
 Съ колокольни кто-то крикнулъ, кто-то громко го-
 ворить,
 Кто-то черный тамъ стоитъ,
 И хохочетъ, и гремитъ,
 И гудитъ, гудитъ, гудитъ,
 Къ колокольнѣ припадаетъ,
 Гулкій колоколь качаетъ.
 Гулкій колоколь рыдаетъ,
 Стонетъ въ воздухъ нѣмомъ
 И протяжно возвѣщаетъ о покоѣ гробовомъ.

ПЕРЕВ. К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

СЕРДЦЕ-ИЗОБЛИЧИТЕЛЬ.

Да! я очень, очень нервень, страшно нервень; но почему хотите вы утверждать, что я сумасшедший? Болѣзнь обострила мои чувства, отнюдь не ослабила ихъ, отнюдь не притупила. Прежде всего чувство слуха всегда отличалось у меня особенной остротой. Я слышалъ все, что дѣлалось на небѣ и на землѣ. Я слышалъ многое изъ того, что дѣлалось въ аду. Какой же я сумасшедший? Слушайте! вы только слушайте и наблюдайте, какъ трезво и спокойно я могу все рассказать.

Невозможно опредѣлить, какимъ образомъ эта мысль первый разъ пришла мнѣ въ голову; но, разъ придя, она преслѣдовала меня и днемъ и ночью. Цѣли тутъ не было никакой. Страсти не было никакой. Я любилъ старика. Онъ никогда мнѣ не дѣлалъ зла. Онъ никогда меня не оскорблялъ. Денегъ его я не хотѣлъ. Я думаю, что во всемъ былъ виноватъ его глазъ! Да, именно такъ! Одинъ его глазъ былъ похожъ на глазъ ястреба—блѣдно-голубого цвѣта съ бѣльмомъ. Каждый разъ, когда онъ смотрѣлъ на меня этимъ глазомъ, кровь во мнѣ холодѣла, и вотъ мало-по-малу, постепенно, мной овладѣла мысль убить старика, и этимъ путемъ разъ навсегда освободиться отъ его глаза.

Такъ вотъ чѣмъ въ дѣло. Вы забрали себѣ въ голову, что я сумасшедший. Сумасшедшіе не знаютъ ничего. Но вы бы только посмотрѣли на меня. Вы бы только посмотрѣли, какъ умно я все устроилъ—съ какой осторожностью, съ какой предусмотрительностью, съ какимъ притворствомъ я принялся за дѣло! Никогда я не былъ болѣе предупредителенъ къ старику, нежели въ теченіе цѣлой недѣли передъ тѣмъ, какъ я его убилъ. И каждую ночь, около полночи, я повертывалъ зашелку его двери и открывалъ ее—о, какъ тихо! И потомъ, когда отверстіе было достаточно широко, чтобы пропустить мою голову, я протягивалъ туда